

Овсянниковъ и Юханцевъ въ Красноярскѣ.

Въ октябрьской книжкѣ „Русская Старина“, за 1907 годъ, появились записки „судебнаго дѣятеля“, принадлежащія талантливому перу многоуважаемаго А. Ѡ. Кони.

Въ нихъ уважаемый авторъ, между прочимъ, останавливается съ глубокимъ интересомъ и ярко рисуетъ оригинальныя черты,—еще и по сіе время живо сохранившагося въ памяти русскаго общества,—интендантскаго подрядчика-милліонера, Степана Тарасовича Овсянникова.

Все, что относится въ запискахъ А. Ѡ. Кони—до Овсянникова, русскою прессою, какъ столичною, такъ и провинціальною было перепечатано и публикою прочтено съ глубокимъ интересомъ.

Однако, о жизни интереснаго старика въ городѣ Красноярскѣ, куда былъ сосланъ Овсянниковъ, авторъ, видимо, при всемъ его желаніи,—не далъ положительной характеристики своего героя,—по неимѣнію, конечно, достаточно основательныхъ данныхъ, а только гадательныя предположенія, вычитанныя случайно въ газетахъ. Автору настоящихъ строкъ тоже нѣсколько разъ приходилось читать газетныя статьи о жизни въ Сибири Овсянникова и Юханцева, жившихъ въ одномъ городѣ,—но въ большинствѣ случаевъ газетныя статьи далеки отъ истины.

Послѣднее обстоятельство и побудило меня, лѣтъ восемь тому назадъ, написать свои личныя воспоминанія объ этихъ двухъ „прототипахъ современныхъ героев“, изъ которыхъ Овсянникова, въ 1881 году, я имѣлъ возможность наблюдать весьма близко; относительно же Юханцева—только могъ собрать самыя точныя данныя о его жизни отъ людей достойныхъ полнаго довѣрія, а именно отъ

доктора А. И. Бургера и чиновника енисейскаго губернскаго правленія, К. Д. Добошинскаго, которые оба въ Юханцевъ принимали самое близкое участіе.

I.

Въ ночь съ 17 на 18 апрѣля 1881 года, въ г. Красноярскѣ случился пожаръ, жертвой котораго сдѣлались около шести сотъ домовъ, въ томъ числѣ и нѣсколько церквей. Самая богатая и большая часть города совершенно выгорѣла.

Послѣ этой страшной катастрофы, недѣли черезъ двѣ, мнѣ пришлось пріѣхать въ этотъ городъ по дѣламъ службы и, между прочимъ, познакомиться съ однимъ страховымъ агентомъ, занимавшимъ, кромѣ того, въ губернскомъ правленіи должность казначея.

Вотъ этотъ-то агентъ, К. Д. Добошинскій, будучи лично и коротко знакомъ съ Овсянниковымъ и Юханцевымъ, и повѣдалъ мнѣ кой-что объ ихъ житьѣ-бытьѣ, чѣмъ я и хочу подѣлиться здѣсь съ читателями.

Оба героя въ ссылку пріѣхали на собственные средства, которыхъ у Овсянникова оказался избытокъ; напротивъ, у Юханцева едва-едва хватило доѣхать; а изъ цѣнныхъ вещей осталась только одна шуба, которую было можно оцѣнить рублей въ шестьсотъ, но и ту ему пришлось скоро реализовать, конечно, значительно за меньшую сумму, и Юханцевъ остался „въ чемъ Богъ велѣлъ“.

Овсянниковъ былъ старикъ лѣтъ за семьдесятъ; высокаго роста; широкія плечи показывали его когда-то богатырскую физическую силу; съ огромной головой на толстой шеѣ; лицо типично-широкое, съ небольшою окладистой бородой; руки огромныя и мохнатые, какъ лапы медвѣдя; голосъ грубый и повелительный, не терпящій возраженій; брови густыя и нависшія надъ глазами, съ торчащими, грубыми, какъ щетина, волосами. Одежда эскъ-милліонера граничила чуть не съ рубищемъ: на шеѣ черная засаленая „косынка“, изъ-подъ которой не было видно бѣлья; такіе же сюртукъ и брюки, изъ которыхъ рукава перваго доходили чуть не до локтей, а низки вторыхъ поднимались высоко на рыжія голенища огромныхъ, и, неособенно опрятныхъ и стоптанныхъ въ каблукахъ,—сапогъ. Если ко всему сказанному еще добавимъ его стеганый картузь съ огромнымъ кожанымъ козырькомъ и выцвѣтшее отъ времени старое и короткое пальтишко, то будемъ имѣть полное понятіе о виѣшной фигурѣ Степана Тарасовича. О духовной

жизни его намъ сообщили очень мало свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, что Овсянниковъ весьма часто посѣщалъ церкви, почти ежедневно, а также и ближайшіе монастыри. А чтобы дать понятіе о его домашней жизни, то мы на эту тему должны рассказать объ его отношеніяхъ къ одному страховому обществу (Россійскому, учрежденному въ 1827 году), въ которомъ состояло на страхъ его имущество, въ суммѣ 3.800 рублей, а также и въ тотъ моментъ, когда происходилъ огромный пожаръ въ Красноярскѣ, т. е. въ ночь съ 17 на 18 апрѣля 1881 года.

По правиламъ (уставамъ) всѣхъ страховыхъ обществъ тотъ клиентъ его, у котораго сгорѣло застрахованное имущество, обязанъ сдѣлать агентурѣ заявленіе объ этомъ происшествіи, указавъ въ немъ: все ли сгорѣло имущество, или только часть его и какая именно; кромѣ того, потерпѣвшій убытокъ обязанъ сообщить и о причинѣ пожара, если она ему извѣстна; въ противномъ случаѣ, сказать въ своемъ заявленіи стереотипную фразу „пожаръ произошелъ отъ неизвѣстной причины“.

Вотъ такую-то именно формальность и былъ обязанъ продолжать Овсянниковъ относительно своего застрахованнаго имущества, что онъ и исполнилъ, изобразивъ въ своемъ заявленіи, что его имущество „сгорѣло до тла“.

Между тѣмъ, страховому агенту было уже отлично извѣстно, что Степанъ Тарасовичъ свое имущество спасъ отъ пожара совершенно все, не исключая даже и всевозможныхъ маринадовъ и вареній хранившихся въ погребу, такъ какъ тотъ домъ, въ которомъ квартировалъ Овсянниковъ, началъ горѣть только черезъ десять часовъ, послѣ начала всеобщаго пожара.

— По крайней мѣрѣ не спасли ли вы, Степанъ Тарасовичъ, хоть святые иконы?—вѣжливо и спокойно задалъ ему вопросъ страховой агентъ.

Иконы были застрахованы въ 2.000 рублей.

— Даже и ихъ, Константинъ Домениковичъ (агентъ), къ моему великому горю не успѣлъ вынести!.. Не удостоился, видно, по грѣхамъ своимъ... Такъ ужъ, видно, суждено мнѣ отъ самого Господа Бога, за мои прегрѣшенія!.. Охъ грѣхи, грѣхи наши тяжкіе....

— Но вѣдь ваша квартира и домъ были объаты пламенемъ только черезъ десять часовъ послѣ начала всеобщаго пожара?—продолжаетъ задавать вопросы агентъ своему страхователю,—и вы могли спасти отъ пожара совершенно все свое имущество,—что и были обязаны сдѣлать даже въ силу извѣстныхъ страховыхъ пра-

вилъ, изложенныхъ въ имѣющемся у васъ уставѣ. Почему же вы, почтеннѣйшій Степанъ Тарасовичъ, этого не сдѣлали?

— Какъ мнѣ не знать вашихъ уставовъ; слава Богу, не мало имѣлъ дѣлъ со страховыми обществами и заплатилъ имъ денежекъ; да черезъ нихъ и несчастнымъ-то сдѣлался и теперь страдаю!.. Знаю, что и въ теперешній пожаръ былъ обязанъ спасать свое имущество, застрахованное у васъ, и знаю, что общество возмѣстило бы мнѣ всѣ убытки, если бы я какіе произвелъ, сохраняя отъ огня имущество, но Богъ не привелъ, видно, по грѣхамъ моимъ!.. Представьте себѣ какой тогда, въ пожаръ, со мной случай вышелъ, да и случай небывалый, такъ сказать, рѣдкостный. Я уже давно по ночамъ мучаюсь безсонницей, а тутъ на меня навалился такой крѣпкій, просто сказать—мертвецкій сонъ, что и растаскать не могли!.. Проснулся уже тогда только, какъ стала загораться моя квартира и меня, на рукахъ, какъ бревно, изъ нея потащили!.. Что подѣлаете, на все божеская воля и Его соизволеніе... А то непременно бы спасъ все имущество и теперь не просилъ бы отъ васъ вознагражденія.

— Спали до утра и въ такое время, когда въ городѣ горѣло разомъ до шестисотъ домовъ?!—удивляясь наглости Овсянникова, переспросилъ агентъ.

— Что же тутъ удивительнаго? Сонъ накатился такой и все тутъ!... Я уже говорилъ вамъ, до этого времени, страдалъ безсонницей лѣтъ пять, а тутъ, на притчу-то и заснулъ мертвымъ сномъ. Да и то сказать: горѣли не мои дома, а я старикъ и тушить пожары во весь свой вѣкъ не умѣлъ; мое же имущество было застраховано, слѣдовательно, можно было и спать спокойно и ни о чемъ не беспокоиться,—съ какой-то ироніей и не моргнувъ глазомъ, возразилъ старый миллионеръ страховому агенту.

Во всякомъ, солидномъ коммерческомъ предпріятіи неизмѣнно существуетъ основной принципъ — всѣми мѣрами избѣгать по дѣлу судебныхъ процессовъ и, ради него, всѣ солидныя фирмы готовы, иногда, бросить нѣсколько десятковъ, даже сотенъ тысячъ рублей, лишь бы избѣжать судебныхъ процессовъ, и онѣ прибѣгаютъ къ нимъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Исходя изъ выше сказаннаго правила, страховой агентъ предложилъ Овсянникову въ полное вознагражденіе отъ общества 2.000 рублей.

Это предложеніе какъ-бы обожгло каленымъ желѣзомъ и возмутило старика до глубины души, и онъ разомъ превратился въ героя былыхъ и счастливыхъ для него временъ. Со сверкающими

глазами и моментально покраснѣвшимъ лицомъ, онъ быстро соскочилъ съ кресла и, выпрямившись во весь ростъ, зычнымъ голосомъ заговорилъ:

— Какъ!... мнѣ?!... мнѣ, Степану Тарасовичу Овсянникову, за сгорѣвшее имущество мое на 3.800 руб., вы предлагаете только 2.000 рублей?!... Н..нѣтъ-сь, этому не бывать!.. Тысячу разъ н..нѣтъ-сь!.. Я получу все или ничего, но на такія сдѣлки не пойду-сь!!.. Я буду на васъ жаловаться. Меня въ Питерѣ еще не забыли тѣ, съ кѣмъ я тамъ такъ долго водилъ хлѣбъ-соль!... У меня еще тамъ есть добрые люди и находятся „у дѣль“ и хорошо еще помнятъ стараго Степана Тарасовича Овсянникова!... Они не дадутъ еще меня въ обиду, при моемъ несчастномъ и незаслуженномъ моими дѣлами положеніи!!!.....

— Но вы напрасно волнуетесь, Степанъ Тарасовичъ; намъ уже доподлинно извѣстно, что вы спасли совершенно все имущество,— прервавъ Овсянникова, заявилъ страховой агентъ. Намъ лучше бы все это покончить миромъ: и для насъ было бы меньше хлопотъ и для васъ непріятностей...

— Вадоръ все... у меня сгорѣло все!!...—съ дикой хрипотой въ голосѣ величественно прогремѣлъ эксъ-милліонеръ и гордо вышелъ изъ комнаты, забывъ захватить даже свой стеженный картузь, съ огромнымъ козырькомъ, который ему вынесла уже горничная агента на улицу.

Въ свою очередь и страховой агентъ былъ возмущенъ наглостью стараго эксъ-милліонера и, въ данномъ случаѣ, далеко не зауряднаго страхователя, а извѣстнаго по своимъ темнымъ дѣламъ всей Россіи. Не теряя времени, агентъ тотчасъ же пригласилъ къ себѣ полицейскихъ властей и, съ ними вмѣстѣ, произвелъ объ имуществѣ Овсянникова, такъ называемый „повальный обыскъ“.

Этотъ „повальный“ обыскъ далъ самые блестящіе и неожиданные результаты. Оказалось, что знаменитый старикъ спасъ не только все застрахованное имущество, въ томъ числѣ и св. иконы въ дорогихъ украшеніяхъ, но даже самъ своими руками, еще вечеромъ, какъ только пожаръ принялъ грандіозные размѣры, вытаскалъ изъ погреба грибы и капусту,—какъ показали его „метрески“, каковыхъ на иждивеніи почтеннаго старца содержалось восемь штукъ, разбѣянныхъ по разнымъ частямъ города.

„Повальный обыскъ“ и его результаты, для Овсянникова, какъ ссыльнаго по суду за преступленія,—были не пустой игрушкой, а довольно таки непріятной исторіей, т. к. сибирская администрація того времени, при исполненіи своихъ обязанностей относительно

ссылныхъ, руководствовалась еще дореформенными законами, а послѣдніе давали право даже маленькому полицейскому чину угощать „березовой кашей“, и, даже, плетми—до 25 ударовъ,—тѣхъ лицъ изъ сосланныхъ, которые на мѣстѣ ихъ водворенія совершили новое преступленіе уголовнаго характера.

Послѣ „обыска“ эксъ-милліонеръ до того сократился, что уже не показывался не только въ агентуру, но и даже на улицу и въ церковь.

Только уже послѣ, мѣсяца черезъ два, инспекторъ Россійскаго страхового общества, 1827 года, въ то время вернувшійся изъ Красноярска въ Екатеринбургъ, получилъ отъ агента такую телеграмму: „N 000,000 (страховой полисъ Овсянникова)—согласенъ дѣло покончить миромъ. Готовъ получить вмѣсто двухъ одну тысячу рублей, чтобы откупиться отъ полиціи“.

Деньги 2,000 рублей были немедленно переведены.

Изъ сказаннаго выше легко убѣдиться, что Овсянниковъ и въ ссылкѣ не смирился въ своемъ всемогуществѣ и не имѣлъ настолько силы воли, чтобы удержаться отъ привычки любостыжанія, не считаясь ни съ препятствіями и ни съ послѣдствіями.

Отъ обывателей города Красноярска Степанъ Тарасовичъ не пользовался никакими симпатіями.

Какъ провелъ въ ссылкѣ эксъ-милліонеръ послѣдніе годы, до помилованія, сказать, къ сожалѣнію, ничего не могу, а потому и заканчиваю о немъ свой безхитростный разсказъ и перейду къ другому герою.

II.

Не такъ жилось Юханцеву въ ссылкѣ; да и не таковъ онъ былъ человѣкъ, какъ Овсянниковъ.

Выше уже было говорено, что Юханцевъ въ Сибирь явился чуть не безъ гроша денегъ, имѣя только одну болѣе или менѣе цѣнную вещь—шубу, которую вскорѣ и долженъ былъ продать за безцѣнокъ. Деньги, вырученныя за нее, конечно, были прожиты скоро, и Юханцевъ остался въ чужомъ городѣ, среди незнакомаго народа, лишенный свободы и безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ.

Не дай Богъ никому находиться въ подобномъ положеніи. Но и доводить себя до такого состоянія—тоже не слѣдуетъ, чтобы потомъ не сѣтовать на свою судьбу. Впрочемъ, какъ мнѣ передавалъ К. Д. Добошинскій,—Юханцевъ и не жаловался на свое тяже-

ное положеніе, а стойчески, безъ всякаго ропота переносилъ свою ссылку, какъ должное себѣ искупленіе. А сознаніе человѣкомъ собственной вины есть всегда вѣрнѣйшій признакъ, что онъ сохранилъ въ себѣ гордость и человѣческое достоинство. Кто сберегъ эти качества, тому не страшны никакія превратности житейскихъ невзгодъ; такія качества доказываютъ нравственную силу въ человѣкѣ и уваженіе къ себѣ. Плохо вездѣ только тому, кто къ себѣ это уваженіе потерялъ: такой человѣкъ уже прямо пропащій и ни на что порядочное не способенъ въ будущемъ.

Юханцевъ былъ человѣкъ развитой, всесторонне-образованный, зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ; собою видный мужчина, молодъ, въ обхожденіи ловокъ, въ бесѣдѣ занимателенъ,—поэтому и неудивительно, что онъ по прибытіи въ Красноярскъ быстро привлекъ къ себѣ симпатіи всѣхъ сталкивавшихся съ нимъ людей, которые потомъ приняли въ немъ живое участіе, жалѣли его и его прошлаго, блестящаго положенія, на которомъ онъ не умѣлъ удержаться только по слабости, или, вѣрнѣе, мягкости своего характера; на сколько было возможно, всѣ старались облегчить Юханцеву участь ссылки и сдѣлать сносною его жизнь.

Такое же участіе въ Юханцевѣ принималъ и вышеупомянутый К. Д. Добошинскій и, имѣя много связей въ городѣ, досталъ ему службу въ одномъ изъ административныхъ учрежденій, съ жалованьемъ 25 руб. въ мѣсяць.

Излишне, конечно, говорить, что опытный и широкообразованный ссыльный для сказаннаго учрежденія былъ не служака, а находка. Ему, почти тотчасъ же по поступленіи на службу, стали поручать для рѣшенія такія дѣла, какія были по плечу только самымъ опытнымъ чиновникамъ. Исправность и усердіе къ службѣ Юханцева были прямо образцовыми.

Почемъ знать, быть можетъ Юханцевъ долго бы прослужилъ въ этомъ учрежденіи, если бы не случилось одного крупнаго инцидента, хотя и вовсе не имѣющаго ничего общаго съ его служебными обязанностями.

Въ Красноярскѣ Юханцевъ, между прочимъ, познакомился и былъ радушно принятъ въ домѣ нѣкоего состоящаго на дѣйствительной службѣ, полковника Z, человѣка недавно женатаго на молоденькой и хорошенькой барышнѣ.

Юханцевъ весьма часто бывалъ у Z и всегда засиживался у нихъ—за полночь; лѣтомъ же постоянно экскурсировалъ вмѣстѣ съ ними на загородные пикники, которымъ Z посвящалъ положительно все свое свободное время, изъ любви къ природѣ.

Вотъ на одномъ изъ подобныхъ пикниковъ и произошелъ тотъ казусъ, который тяжело отозвался на Юханцевъ, противъ всякаго его ожиданія. Впрочемъ, это не наше мнѣніе; наше совершенно иное...

Расположившись на избранномъ мѣстѣ среди природы, угостившись вволю, даже съ избыткомъ,—полковникъ Z обратился по какому-то поводу къ своей женѣ, приглашая ее подойти къ нему.

— Оленька!... Оленька!...

— Охъ, ужъ эта „Оленька“!... „Оленька“!... какъ-то грустно и въ полголоса повторилъ за полковникомъ Юханцевъ.

— Что?... „Оленька“ называешь мою жену?... да какъ ты смѣешь?!... вспылывъ, заоралъ полковникъ во все горло.

— Во-первыхъ, г. Z, я не „ты“,—вамъ бы стыдно называть меня такъ; а во-вторыхъ: произнося это, дорогое для меня женское имя, съ которымъ тѣсно связана моя жизнь,—я не имѣлъ въ виду вашей супруги; а потому вамъ, полковникъ, совершенно нѣтъ никакого основанія такъ волноваться и быть со мной грубо-невѣжливымъ,—хладнокровно возразилъ Юханцевъ.

Но полковникъ, вмѣсто того, чтобы внять голосу благоразумія и справедливости, еще больше разгорячился отъ замѣчаній Юханцева и ударилъ своего мнимаго врага. Тѣмъ же отвѣтилъ полковнику и Юханцевъ и, будучи почти атлетическаго сложенія, такъ намялъ своему противнику бока, что тому пришлось долго возиться съ компрессами.

Благодаря прислугѣ, скандалъ быстро облетѣлъ не только всѣ закоулки маленькаго городишка, но и уѣзда, не минуя, конечно, и высшихъ сферъ, да и не только мѣстныхъ, но и столичныхъ.

Вскорѣ полковникъ, отъ своего начальника, за сближеніе съ Юханцевымъ получилъ, точно не упомню: не-то выговоръ, не-то переводъ въ какое-то захолустье, или даже отставку, только что-то въ этомъ родѣ.

Относительно же Юханцева и его службы въ казенномъ учрежденіи кому слѣдуетъ было сдѣлано отеческое внушеніе, и онъ лишился своего миниатюрнаго жалованья.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1881 года, я уѣхалъ изъ Красноярска и съ тѣхъ поръ не бывалъ въ немъ; но все же и до сихъ поръ, черезъ много-много лѣтъ, не отказываюсь о немъ побесѣдовать. Въ теченіе этого времени мнѣ не мало встрѣчалось аборигеновъ Красноярска, которые охотно сообщали, между прочимъ, свѣдѣнія и о дальнѣйшей жизни Юханцева. Овсянниковъ же, лѣтъ черезъ пять послѣ пожара, былъ возвращенъ изъ ссылки, съ правомъ проживать въ Царскомъ Селѣ.

Вотъ этими-то сообщеніями я и хочу въ короткихъ словахъ подѣлиться съ читателями, оставляя всю справедливость разсказовъ объ Юханцевѣ на ихъ отвѣтственности; хотя я, лично, имъ вполне довѣряю; да въ этомъ меня подкрѣпляютъ и тѣ отрывочныя замѣтки, которыя изрѣдка попадали на страницы столичныхъ газетъ.

III.

Вскорѣ послѣ инцидента съ полковникомъ Z. Юханцевъ нѣкоторое время жилъ гдѣ-то недалеко отъ Красноярска, на „заимкѣ“, — не то на мельницѣ, не то на пасѣкѣ, вверхъ по теченію рѣчки Качи, впадающей въ могучій Енисей, почти въ самомъ городѣ. Затѣмъ раздобывшись ружьишкомъ, Юханцевъ пропадалъ въ окрестныхъ дебряхъ дремучихъ лѣсовъ, но не удаляясь на продолжительное время отъ Красноярска, гдѣ онъ появлялся въ базарные дни, въ качествѣ продавца дичи: рябчиковъ, куропатокъ, тетеревей, — во множествѣ висѣвшихъ на его плечахъ. Въ это время костюмъ Юханцева ничѣмъ не отличался отъ одежды мѣстнаго промысловаго охотника: такіе же огромные бродни на ногахъ; войлочная шляпа на головѣ съ широкими полями, — деревенскаго издѣлія; на плечахъ чекмень, изъ сукна той же фабрикаціи; такого же сорта было и бѣлье эксъ-камергера.

Но такими мелочами этотъ человекъ, въ былое время сорившій огромныя деньги на цыганокъ, ни мало теперь не смущался, а частенько бывалъ веселъ и добродушно шутилъ надъ своимъ превращеніемъ, не произнося ни одной жалобы на свою „горькую судьбу“, какъ дѣлаютъ обыкновенно всѣ фарисеи и мелочные людишки.

Далѣе, какъ мнѣ передавали, Юханцевъ съ матеріальной стороны былъ сравнительно обезпеченъ, но жилъ весьма скромно и вполне корректно; отъ всѣхъ знавшихъ его пользовался любовью и уваженіемъ.

Онъ, до полученія помилованія и выѣзда въ Россію, долгое время завѣдывалъ въ Красноярскѣ знаменитою бібліотекою г. Юдина; дѣлалъ для нея переводы съ иностранныхъ языковъ; давалъ уроки дѣтямъ мѣстныхъ интеллигентныхъ аристократовъ.

Но, наконецъ, Юханцеву была возвращена свобода на всѣ четыре стороны, кромѣ столицъ, и онъ воспользовался ею.

Выѣхалъ этотъ герой изъ Красноярска уже не тѣмъ орломъ, какъ прибылъ въ него, а почти дряхлымъ старикомъ; безъ вся-

кихъ признаковъ былого молодечества и красоты, съ которыми онъ прибылъ въ ссылку, вскорѣ послѣ жгучихъ ласкъ цыганки, Ольги Шишкиной!..

Юханцевъ, какъ и Раскольниковъ, вернулся къ свободной жизни съ новыми и прочными принципами и, думается намъ,—съ совершенно иными и спокойными взглядами на стремленія человѣческія.

К. А. Сапѣгинъ.

